

Олег Михайлов

Кутузов

Издательство АСТ
Москва 2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О23

Олег Михайлов.
О23 Кутузов. / О. Михайлов. — Москва: Издательство АСТ, 2017 — 608 с.: ил.
ISBN 978-5-17-104367-4

Воспетый современниками и потомками генерал-фельдмаршал Кутузов никогда не имел склонности к браваде и не искал легкой славы, предпочитая вести войну расчетливо и с хитростью. Легендарный полководец и талантливый стратег, он был одновременно отважен и погружен в себя; сдержан и остроумен. Олег Михайлов подробно и последовательно излагает биографию Кутузова, судьба которого не раз делала неожиданные повороты. Читатель станет свидетелем ключевых событий жизни великого военачальника и поймет, каким человеком он на самом деле был в жизни и на поле боя.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104367-4

© В. Л. Михайлова, наследник, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Содержание

Книга первая ДВАЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ

Часть I

Глава первая. Юность героя	7
Глава вторая. «...Я — русский...»	31

Часть II

Глава первая. Заново рожденный	45
Глава вторая. Под крылом Суворова	68

Часть III

Глава первая. Полтавская репетиция	90
Глава вторая. Очаковская пуля	106
Глава третья. Комендант Измаила	125
Глава четвертая. Герой Мачина	155

Часть IV

Глава первая. Царьградская миссия	174
Глава вторая. Екатерининский закат	201

Книга вторая
СЕЙ ИДОЛ СЕВЕРНЫХ ДРУЖИН

Часть I

Глава первая . Гатчинский капрал.	217
Глава вторая. По велению монарха	235
Глава третья. Михайловский замок.	252

Часть II

Глава первая. Не ко двору.	277
Глава вторая. Славная ретирада.	302
Глава третья. Аустерлиц	340

Часть III

Глава первая. На вторых ролях.	373
Глава вторая. Веселый град Вильна	413
Глава третья. Победитель великого визиря.	431

Часть IV

Глава первая. Вождь мнением народным	485
Глава вторая. День Бородина	507
Глава третья. И враг бежит	543
Глава четвертая. Исполненный долг	576
Эпилог	594
Хронологическая таблица	603

Книга первая
ДВАЖДЫ ВОСКРЕСШИЙ

Смерть сквозь главу твою промчалась.
Г. ДЕРЖАВИН

Анн. Кутуз. Москва. 17 Октября 1812 года.

77.

Лит. П. А. Гудков. Москва. 874. Девятый. нр. 1812.

Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Михаилъ-Ларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій.

принимавшій дѣло въ войскахъ нашихъ Французамъ въ Англии 1812 г.

О дѣлѣ съ французами
Ихъ сраженъ въ Англии
Ихъ сраженъ въ Англии
Ихъ сраженъ въ Англии

О дѣлѣ съ французами
Ихъ сраженъ въ Англии
Ихъ сраженъ въ Англии
Ихъ сраженъ въ Англии

Генерал-фельдмаршалъ князь
Михаил Ларионович Голенищев-Кутузов Смоленский

Часть I

Глава первая

Юность героя

1

амое дорогое для мальчика — вечера в большом батюшкином кабинете. Набегаешься всласть, накатаешься в салазках с ледяной горки, наиграешься в снежки, в гуська, в салки, в крепость. Разрумянишься, наберешь в валенки снегу, весь иззябнешь. Но все равно чуть не силком, иногда с горькими детскими слезами, уводит тебя мамка домой.

Недолго ребячье горе. После ужина залезешь с ногами на скользкое кожаное аглицкое кресло и слушаешь, слушаешь батюшку. Чудо как хорошо! Чего только не знает Ларион Матвеевич! Ведь недаром называют его в Петербурге «Разумною книгою».

И про полуденные страны знает, где люди круглый год ходят нагишом и зело черны и где обитают в степях диковинные птицы. И среди них птица, величайшая в свете, именуемая Строус, которая бегаёт как конь. На этом Строусе, усевшись верхом, римляне учреждали скачки, наперегонки с лошадьми...

И про Индию, царство чудес, в котором вельможи в одеяниях, изукрашенных адамантами и сапфирами, восседают под балдахинами на звере-горе, называемом Элефант. И тот Элефант на рыле имеет мускулистую длинную трубку. Он ее сжимает и распускает, ею пьёт, берет разные вещи и обороняется от врагов...

И про дерзких мореходов, из которых один, гишпанец Колумбус, открыл Вест-Индию, или Новый Свет. И в сем Новом Свете спря-

тана от пришельцев Золотая Страна — Эльдорадо. Собраны в ней бессчетные сокровища вождей и жрецов индейских — из червонного, красного и белого золота. И многие рыцари и простые люди пытались отыскать Эльдорадо, уходили в леса дремучие, поднимались в горы поднебесные, где ужасные дыры огонь из преисподней мечут. Но никто не возвращался с удачей. Или не возвращался вовсе...

— А с песьими головами люди где обретаются? Мне мамка вечор сказывала... — решается озадачить Миша своего батюшку.

— Сие выдумки от темноты да невежества. Песьи головы, Мишенька, привязывали к седлу опричники царя нашего Грозного Иоанна. Ибо называли себя его верными псами...

Как рассказывает батюшка — век бы слушал! Сколько земель на белом свете, сколько чудес! Но милее всего Мишиному сердцу истории воинские, ратные подвиги и фамильное прошлое древнего рода Голенищевых-Кутузовых.

— Сам святой Александр Невский, князь Новгородский и великий князь Владимирский, день кончины коего все мы, православные, отмечаем четырнадцатого ноября, благословил родоначальника нашего...

Историю эту Миша слушал едва ль не в десятый раз. Но каждый раз словно наново. Шаловливый, резвый и даже проказливый, мальчик затихал, впивался большими живыми глазами в отца. А тот не без торжественности повествовал:

— Было это в тысяча двести сороковом году от Рождества Христова. К новгородским границам подошли шведы с их гордым вождем Биргером. И Биргер сей послал князю Александру надменную грамоту: «Се уже есть зде и пленю землю твою». Тогда собрал князь Александр Ярославич свою дружину и встретил шведов. У речки Ижоры, притока нашей Невы. Храбрые новгородцы в лоск разбили врага. А князь Александр собственным копьем возложил печать на лицо Биргера. За эту битву он и наречен был в народе Невским. Так вот, рука об руку со святым Александром сражался праотец наш Гавриил, верный его сподвижник...

Тихо потрескивают свечи в шандале на дубовом столе; за небольшими, заросшими льдом оконцами тьма и холод — люты морозы были в восемнадцатом веке. И шли они, с перерывами, дружной и

Книга первая. Часть I. Глава первая

грозной чередой. Порой по две-три недели держалось поболее тридцати градусов. Как начнет Юрий холодный оброк собирать, так за порогом уже стучится студень, или декабрь. И идут сперва варварины морозы: трещит Варюха, береги нос да ухо! Варвара заварит, Савва засалит, Никола загвоздит. Варвара ночи урвала, украла, день приточила. А за Варварой — Савва. Савва снегом стелет, гвозди острит, льдом засалит. Савву сменяет Никола Зимний. Два их, Николы: один с травой, другой со снегом. Зима на Николу замает — дороги не бывает.

Но вот Спиридона поворот: солнце на лето, а зима на мороз. В этот день медведь в берлоге поворачивается и корова на солнце успевает нагреть один бок. С солнцеворотом дня прибудет хоть на воробьиный скок. А там пост холодный — рождественские морозы. Январь — всем зимним месяцам отец. Трещат крещенские морозы: трещи, трещи, пока не пришли водохрящи. После холодов на Татьянин день — афанасьевские морозы: Афанасий и Кирило забирают за рыло. Их сменяют тимофеевские: в день Тимофея Полужимника — ползимы миновало.

Дождались и Сретенья: зима с летом встретились. Коли на Сретенье метель дорогу замела, то весь корм подберет. За ним грядет Власьев день — власьевы морозы. И март на нос садится, и в нем морозит...

Но тепло и покойно в кабинете с круглыми натопленными голландками, с длинными полками русских и иноземных книг в телячьей коже и сафьяне. Размеренно звучит глуховатый батюшкин басок:

— Праправнук Гавриила, сподвижника Александра Ярославича, был Федор Александрович, по прозвищу Кутуз. От него-то и пошли мы, Кутузовы...

— А что значит — Кутуз? — быстро спрашивает Миша.

— Подушка у кружевниц, — с готовностью отвечает Ларион Матвеевич, любуясь дотошностью сынишки. — Из кожи либо материи. Видно, были в нашем роду искусные мастерицы. Вязали украшения для семей московских князей и бояр...

Сметливый мальчик давно уже знает смысл этого слова от доброй бабушки, заменившей ему мать. Но просто хочет вопросом сделать приятное батюшке своему.

—Еще, Расскажи еще! Про князей московских... — просит Миша.

— Много чудесного и страшного происходило в те годы. Нравы были крутые. Внук Дмитрия Донского, победителя татар на Куликовом поле, князь Василий Васильевич¹ боролся с дядей своим Юрием Галицким за московский стол. Ты хоть и мал, да знать должен, как жестоко поступали тогда князья в споре за власть. Никого не щадили. Да! Не нынешнее просвещенное время благословенной Елизаветы Петровны! — простодушно восклицает он, как и все люди на земле, уверенный, что время, в которое он живет, самое просвещенное и самое значительное. Хотя бы потому, что в нем уместилась малая его жизнь.

Ларион Матвеевич крестится на темный угол, где должны быть иконы, и продолжает:

— Так вот. Желал князь Василий избавиться от одного из главных своих соперников. Заманил и ослепил старшего сына Юрия — Василия Косого. А через шестнадцать лет последовала месть. Он сам лишен был глаз братом Косого — Дмитрием Шемякой. После этого и прозвали его: Темный. И во всех тяжких испытаниях сопровождал князя Василия Васильевича верный его боярин Василий Федорович Кутуз...

— Сын Федора Александровича, батюшка? — вставляет Миша.

— Он, он самый. — Ларион Матвеевич гладит мальчика по стриженной головке: памятливы, умен, — и продолжает: — А Шемяка тем временем сел в Москве. Да сидел недолго. Правил он, Мишенька, не имея ни стыда ни совести. С той поры люди говорят о бесчестном: Шемякин суд. И москвичи стали звать к себе слепого князя Василия. С многочисленной ратью двинулся он к Первопрестольной. Бесславно бежал от него Шемяка в Каргополь. И по пути, как подлый тать, захватил в заложницы мать Василия Васильевича — Софью. Дочь могущественного князя Литовского Витовта. Князь Василий Темный вернул себе великий московский стол. И стал горевать: что с матерью? Не извел ли ее кат Шемяка? Вызывает он Василия Кутуза и речет ему: «Поезжай, верный мой слуга, в Каргополь. И если жива моя матушка, упроси Шемяку вернуть ее...»

¹ Василий II Темный (1415—1462) — великий князь Московский с 1425 г., сын Василия I.

Книга первая. Часть I. Глава первая

— Ну и как? — сучит в нетерпении ножками в мягких бурках сынишка.

— С превеликим трудом, но выполнил Василий Федорович поручение великого князя. То-то было радости в кремлевских палатах...

Ларион Матвеевич встает с кресел, щипцами снимает со свечек нагар. Выступают из полумрака лики с икон Пресвятые Богородицы и батюшкиного святого — Иллариона, епископа Меглинского; строго глядит — усы торчком — из вызолоченной бронзовой рамы Петр Великий.

— Батюшка! Скажи о чем-нибудь еще! — молит Миша.

Ларион Матвеевич утверждается в креслах, пухлая рука сама находит фарфоровую табакерку с лицеизображением государыни Екатерины, супруги преобразователя России. Со щелчком отворяется крышка, щепоть доброго гамбургского табаку отправляется сперва в левую, затем в правую ноздрю. Орлиный батюшкин нос заостряется от щепотки, мальчик приготавливается слушать, как с мортирным звуком чихнет батюшка в батистовый с кружевами платок. Вот пухлое батюшкино лицо вновь распускается, белеет, выпуклые глаза открываются, приятная важность вновь исходит от него.

— А знаешь ли, Мишенька, что родственница наша называлась женой царя и великого князя Московского?

Нет, мальчик не знает об этом и весь обращается в слух.

— Когда разваливалась грозная Золотая Орда, осталось враждебное Руси Казанское царство. Наш государь и великий князь Иоанн Грозный желал вернуть балтийские земли, завоеванные шведом. Но как сие сделать? Пойдешь на запад — татары ударят тебе в спину! Надобно прежде завоевать Казань. Орешек сей, однако, оказался зело крепок. Удалось было Иоанну посадить на казанский стол верного ему Шиг-Али-хана. Но возмутились татары, скинули его и назвали главой своей астраханского царевича Едигера-Махмета. Он дал казанцам клятву быть неумолимым врагом России. И вот Иоанн Грозный самолично явился под стены Казани. Битвы происходили почти ежедневно. Русским удалось взорвать тайник, откуда татары запасались водой. Были подведены главные подкопы. Настал день решающего

штурма. Было это¹ второго октября тысяча пятьсот пятьдесят второго года...

Миша спал с открытыми глазами: с грохотом рвались в подкопах бочки с порохом; в дыме пожарищ рушились стены Казанского кремля; шли с тяжелыми пищалями государевы стрельцы.

— Казанцы отчаянно защищались на улицах. — Ларион Матвеевич разволновался от собственного рассказа и грозно чертил перстом в воздухе. — Они удвоили усилия и почти вытеснили наших. Но вот сам Иоанн схватил знамя, стал в городских воротах и удержал бегущих. Царь Едигер был взят в плен, защитники его пали...

— И государь ослепил его, как Василия Темного? — ужасается мальчик.

— Нет, грозен и жесток, но справедлив был Иоанн Четвертый, — качает головой (пусть отдохнет от парика) головой Ларион Матвеевич. — Едигер был отправлен в Москву. Там он принял святое крещение под именем Симеона. Ему оставили титул царя. Жил он в Кремле, в особенном большом дворце. Имел боярина, чиновников и множество слуг. Понимал наш государь, сколь важно привязать Едигера-Симеона, склонить его на верность Руси. И стал подыскивать ему невесту. А у боярина московского Андрея Кутузова, нашего сородича, была дочь Мария. Всем хороша — и на личико нежна, и нравом кротка и послушлива. Вот в тысяча пятьсот пятьдесят третьем году повенчал Иоанн Грозный Симеона с Марией и пожаловал им в отчину город Рузу. А далее вышло, как он задумал: сей Симеон всегда был преданным слугой Иоанна. Ходил с ним на хана крымского, сражался в войне Ливонской и Польской. А при учреждении опричнины и земщины Иоанн главой последней сделал Симеона². Так говорят наши летописи.

¹ Все даты в романе даются по старому стилю.

² Известный русский историк В. О. Ключевский сообщает, что Иван Грозный земщину предназначал после себя старшему сыну, а опричнину — младшему. И далее он пишет: «...есть известие, что во главе земщины поставлен был крещеный татарин, плененный казанский царь Едигер-Симеон. Позднее, в 1574 г., царь Иван венчал на царство другого татарина, касимовского хана Саин-Булата, в крещении Симеона Бекбулатовича... Иван назначал того и другого Симеона председателями думы земских бояр» (*Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 167-168*).

Книга первая. Часть I. Глава первая

Про опричников Миша уже знает. А что такое земщина?

Умиленный любознательностью мальчика, Ларион Матвеевич даже утирает платочком уголки повлажневших глаз.

— Случилось то в декабре тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года, — таинственно объясняет он. — Царь Иоанн Васильевич вместе с приближенными, стражей и женой Марьей Темрюковной внезапно исчезли из Москвы. Были с царем и Симеон с Марией. Они скрывались в монастырях и в конце концов остановились в Александровской слободе. Оттуда последовала грамота. В ней царь обвинил бояр в измене и даже выказал желание оставить престол. Когда же Москва приняла его требования, Иоанн учредил земщину и опричнину. Он начал жестокую расправу с крамольными боярами. Опричникам были отведены некоторые города, числом около двадцати. А в земщину, особое управление территорией, вошли остальные российские земли во главе с Москвой.

Ларион Матвеевич, увлекаясь рассказом, уже не замечает времени; еще меньше помнит об этом мальчик. Их возвращает к действительности бабушка.

— Хватит тебе Мишеньку-то своими страхами пугать! — выговаривает она сыну, появляясь в сопровождении дворовой мамки в кабинете. — Ведь сиротка! Некому его приголубить! А ты вместо ласки солдатскими побасенками его потчуешь!..

Она целует внука и просит:

— Пошли, Мишенька, спать. Вона и глазоньки твои ясные уже слипаются...

— Батюшка! Разреши еще послушать! Расскажи еще хоть столечко! — хнычет мальчик.

— Ладно... Только иди в постельку. Да сотвори молитву святому своему — архистратигу Михаилу. Когда ляжешь, приду и... — тут батюшка укорно смотрит на няньку, — вместо глупой мамкиной сказки расскажу еще какую бывальщину...

И снова, несмотря на ворчанье доброй бабушки, листает мальчик — страница за страницей — увлекательную «Разумную книгу». Он засыпает, но и во сне длится рассказ отца — про диковинные земли, про воинские подвиги, про богатыря Гавриила...

2

— Дядюшка! Приехал дядюшка!..

Иван Лонгинович Голенищев-Кутузов, двадцатипятилетний морской офицер, худощавый, с обветренным лицом — рот плотно сжат, желваки ходят под кожей — и мозолистыми ладонями. Он не из книг знает то, о чем рассказывает батюшка. Правду сказать, своим фрегатом правит Иван Лонгинович одним и тем же курсом: из Петербурга в Архангельск и обратно. Но и то в его лета немало — на небольшом паруснике аж через все Балтийское море, да вокруг Скандинавии, да через Белое море до устья Двины — путь опасный и долгий.

Миша бежит навстречу моряку, и тот подхватывает его сильными руками, прижимает к жесткому суконному мундиру, пахнущему табаком, океанским йодом, жженым порохом. Из бесчисленных карманов достаются подарки: кусок диковинного китового уса, черный блестящий медвежий коготь, прозрачный камень янтарь, а в нем навсегда застыла, распустив крылышки, желто-полосатая оса. И наконец, аглицкая медная игрушка: пушчонка, которая может ядра с копейку метать...

За столом, после первой чарки, Иван Лонгинович пускается в мореходные рассказы, пересыпая их волнующе-непонятными словами: «ганшпуг», «вымбовка», «квадрант», «юферс», «рубка», «галс», «крюйс-марс», «фокзейл», «шканцы», «ростры»...

— Всему свой черед, — смеется он, обнажая плотные белые зубы, в ответ на Мишины просьбы объяснить их значение. — Придет срок — узнаешь...

А после обеда, в кабинете, дымя трубкой, Иван Лонгинович слушает Лариона Матвеевича, опытного инженера, который в очередной раз собирается уезжать для возведения фортеций на юго-западные рубежи России...

— Меня назначили состоять при особе главного командира Кронштадта Захария Даниловича Мишукова, — сказал Иван Лонгинович. — Теперь какое-то время я буду моряком сухопутным. И хочу взять Мишеньку к себе. А то, Ларион Матвеевич, без тебя как бы здешнее бабье царство его в красну девицу не обратило...

На том и порешили, к великому огорчению бабушки, засобиравшейся после того в свое имение Печатники под Москву...

3

Усадив мальчика рядом с собой, Иван Лонгинович читал ему «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению»¹:

— «Не хватай первым блюдо и не дуй в жидкое, чтобы везде брызгало.

Не сопи, егда еси...»

Голенищев-Кутузов назидательно поднимает указательный палец с перстнем, украшенным серебряной Адамовой головой, и торжественно продолжает:

— «Когда что тебе предложат, то возьми часть из этого, прочее отдай другому.

Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, не утирай губ рукою и не пей, пока пищи не проглотил...»

Он кладет жесткую моряцкую руку на стриженую голову воспитанника:

— Ну-ка, продолжай теперь сам, Мишенька!..

Мальчик читает бегло, только от усердия иногда глотает слова.

— «Не облизывай перстов и не грызи ногтей, но обрежь ногти.

Хлеба, приложь к груди, не ешь: ешь, что пред тобой лежит, а инде не хватай.

Над ествою не чавкай, как свинья... — Миша лукаво глядит на невозмутимо восседающего с неизменной трубкой моряка и, подмигнув заговорщически, продолжает: — И головы не чеши. Не проглотив куса, не говори.

Около своей талерки не делай забора из костей, корок хлеба и прочего...» — Миша поднимает от книжки голову и скороговоркой спрашивает: — Кстати, дядюшка, что у нас нынче на обед? Больно уж каша гречневая надоела... — И снова читает: — «Неприлично руками по столу везде колобродить, но смирно ести. А вилками и ножиком по талеркам, по скатерти или по блюду не чертить и не стучать, но должно смирно, прямо, а не избоченясь сидеть...»

— Да ты, мой друг, читаешь уже не хуже моего! — ободряюще говорит Иван Лонгинович. — Идем теперь к обеденному столу. По-

¹ Литературный памятник начала XVIII в., предназначался для воспитания дворянских детей, составлен сподвижниками Петра I (Я. В. Брюсом и др.). Впервые издан в 1717 г.